

УДК 94:323.2 (342.8)

ВЫБОРЫ 1950 Г. В НАРОДНУЮ ПАЛАТУ ГДР: ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ*А. А. Синдеев***VOLKSKAMMER-ELECTION IN 1950: PREPARATION AND DELIVERY***A. A. Sindeev*

На основе архивных источников анализируется план подготовки и проведения выборов в Народную палату ГДР в 1950 году, дается оценка их значения в контексте противостояния США и СССР, обосновывается важность дополнительного изучения значения и характера выборов в условиях социальных экспериментов, роли выборов в Германии при сохранении полномочий и контроля оккупационных держав, влияния, которое оказывал факт наличия обеих германских государств на безопасность держав-победителей и сферы безопасности. Автор констатирует, что применительно к ГДР советское руководство преследовало две цели – укрепить про-советски настроенные элементы и создать тем самым более выгодные условия для последующих переговоров об объединении страны с учетом интересов безопасности СССР. Выборам 1950 г. придавалось особое значение. Оспаривать их законность никто не решился, так как выборы были проведены в рамках действующего законодательства. В этом контексте актуальным в исследовательской перспективе вновь становится вопрос о значении и характере выборов в условиях социальных экспериментов, о роли выборов в Германии при сохранении полномочий и контроля оккупационных держав, о влиянии, которое оказывал факт наличия обеих германских государств на безопасность держав-победителей и сферы безопасности.

The paper examines the plan of preparation and holding of elections to the People's Chamber in 1950. The author gives an estimate of their value in the context of US-Soviet confrontation. The paper substantiates the importance of studying the significance and character of elections in terms of social experiments, the role of elections in Germany while maintaining the authority and control of the occupying powers. The author emphasizes the need to study the impact of the co-existence of two German states on the security of the winner-states and the security sector. With regard to the German Democratic Republic, the Soviet leadership had two seemingly contradictory objectives: a) to strengthen pro-Soviet elements; b) to create more favorable conditions for further negotiations on the unification of the country, taking into account the security interests of the USSR. The paper uses archival sources: the conversations the President of the Soviet Control Commission in Germany with the leadership of the German Democratic Republic.

Ключевые слова: ГДР, Народная палата, выборы 1950 г., Чуйков, Пик, Гротеволь, Ульбрихт.

Keywords: German Democratic Republic, Volkskammer, elections in 1950, Chuikov, Pieck, Grotewohl, Ulbricht.

Представительной демократии и проведению свободного тайного голосования в решении германского вопроса придается большое значение. Выборы августа 1949 г. в бундестаг Федеративной Республики позволили западногерманским политикам констатировать наличие особой легитимности этой части страны и выдвинуть требование о представительстве интересов всех немцев. Однако «Оккупационный статут», принятый западными оккупационными властями, не передавал немцам ряд существенных прав, в том числе контроль «за соблюдением Основного закона и конституций земель».

С включением ГДР в состав ФРГ и крахом советской системы возобладали менталитет победителя. Германская Демократическая Республика как в научном, так и в научно-популярном историческом дискурсе стала рассматриваться исключительно в качестве «*Unrechtsstaat*». При этом данная тенденция в настоящее время приобретает все большую популярность. Альтернативные интерпретационные модели, а также детальное изучение принципиального в рамках той же концепции «*Unrechtsstaat*» проблемного комплекса, касающегося времени, этапов и механизмов его становления, почему-то не представляют интереса для историков.

В то же время в 1949 и в 1950 г. речь должна идти о противоречиях и борьбе между равноправными политическими, социально-экономическими и идеоло-

гическими системами, подкрепленными наличием СССР и США как супердержав того времени; о существовавшем между ними недоверии, закреплённом среди прочего событиями военного времени, неготовностью правительств Соединенных Штатов и Великобритании (западных союзников) заключать с Советским Союзом договоры о сферах безопасности, постоянным откладыванием открытия второго фронта, заявлениями в 1945 г. о якобы уже имеющем место железном занавесе; о поиске решений, направленных на недопущение усиления советского влияния в Европе, на появление в мае 1945 г. планов военной операции против СССР и т. п.

В Германии с 1945 г. или, по словам Сталина, сказанным на Потсдамской конференции в ответ на вопрос Трумэна «Что нужно понимать под Германией?», в «разбитой стране», столкновение данных систем предстало во всей его сложности. На Востоке страны утверждалась социалистическая, на Западе – возрождалась капиталистическая система. В обеих частях страны действовали силы, заинтересованные в успехе собственной программы действий, в становлении и укреплении образа врага. Существующее стремление доказать моральный авторитет одной из двух систем – занятие явно бессмысленное, а по большому счету – антиисторическое, не имеющее ничего общего с проводимой в то время *Realpolitik*.

Ситуация была крайне путанная и неоднозначная. Так, 2 июня 1950 г. статс-секретарь МИДа ГДР Аккерман в беседе с главой Дипломатической миссии СССР Г. М. Пушкиным жаловался на то, что министр иностранных дел ГДР Г. Дертингер «каждый день проезжает по Западному Берлину. Дети его учатся в католической школе в Западном Берлине». О неясности ситуации свидетельствуют попытки предпринимательских кругов ФРГ наладить экономические контакты с правительством ГДР в условиях, когда федеральный канцлер Аденауэр начал активно работать над реализацией плана Шумана, создания общего рынка угля и стали, отказа от экономического сотрудничества с ГДР. Под давлением США в феврале 1950 г. федеральное правительство ввело так называемое стальное эмбарго для ГДР. 21 апреля 1950 г. «Чуйков познакомил Гротеволья и Ульбрихта с предложением ряда западногерманских фирм... о заключении с ними через их доверенное лицо в Берлине договоров на поставку различных металлоизделий. Представителю СКК, спросившему это доверенное лицо о том, как... фирмы будут в условиях стального эмбарго осуществлять поставки, последний отметил, что если Аденауэр будет чинить им препятствия, то ему придется столкнуться с серьезным давлением со стороны промышленных кругов Западной Германии» [1, л. 88 – 89]. 17 мая В. Ульбрихт на встрече с председателем Советской контрольной комиссии в Германии генералом армии В. И. Чуйковым сказал: «Часть крупных промышленников идет за Аденауэром и поддерживает слияние Рура и Лотарингии в один громадный арсенал... другая часть, чувствуя дальнейшее углубление кризиса и приближение грозы, уже сейчас ищет запасные позиции. Западные промышленники стремятся к заключению сделок, но вместе с тем проводят и некоторый политический зондаж» [3, л. 117].

Без образа врага, контрагента в тех условиях обойтись было невозможно. Антисоветизм, рассчитанный на массовое потребление, помог становлению Боннской республики. В узких кругах, к примеру на так называемых встречах канцлера со специально приглашенными журналистами за чаем, он особой роли не играл. 17 ноября 1950 г. Аденауэр на очередной такой встрече представил сильные и слабые стороны Советского Союза как противника. К *сильным* он отнес: централизованное управление собственной закрытой зоной влияния; последовательный процесс вооружения; большие сухопутные силы; постоянную готовность к применению тактических формирований; большую территорию; большую экономическую силу; физическое и психическое состояние непритязательных масс; идеологическую силу идеи мировой революции. Сильные стороны, – утверждал канцлер, – это то, что *относительно* хорошо. *Слабыми* сторонами, по его мнению, являлись уязвимость большой линии фронта; относительно низкое производство стали, добычи угля и нефти по сравнению с англо-американским блоком; продовольственная зависимость (*ernährungspolitische Empfindlichkeit*) в случае успешного «русского удара» в Западной Европе; трудности завоевания и удержания западноевропей-

ских стран из-за индивидуалистического менталитета этих народов. Вывод, сделанный Аденауэром, состоял в следующем: слабые стороны перевешивали. Если Запад, по его мнению, добился бы паритета в сухопутных силах, то война была бы невозможной [7, s. 17]. Консолидация Европы, таким образом, – это и использование слабостей СССР. В этом контексте понятны слова В. И. Чуйкова: «Нам надо не обороняться, а бить их по частям» [1, л. 93].

Применительно к ГДР советское руководство преследовало две на первый взгляд противоречивые цели – укрепить просоветски настроенные элементы и создать тем самым более выгодные условия для последующих переговоров об объединении страны с учетом интересов безопасности СССР. Именно этим была обусловлена необходимость отказа от проведения выборов в 1949 г. при образовании Германской Демократической Республики. Этим можно объяснить особую систему выборов в октябре 1950 г. с единым блоковым списком и заранее распределенными в нем процентами для партий и общественных организаций: избирателю пришлось голосовать, таким образом, либо «за», либо «против» всего списка. Данная выборная процедура была стратегически необходима, потому что проведение привычных выборов с кандидатами и самостоятельными списками вряд ли оказывалось бы способным в условиях сохраняющихся прав и обязательств оккупационной державы повысить демократичность. Наоборот, привычная избирательная кампания усилила бы раскол в восточногерманском обществе, привела бы к активизации противников СССР и нанесла бы ущерб его безопасности. Советское руководство в этой связи взяло за основу идею объединения и настроилось на длительную и плановую работу вместе с руководством ГДР по подготовке выборов. О наличии плана свидетельствуют слова В. И. Чуйкова, который, проанализировав предварительные итоги, констатировал: «пока все идет по плану». Одной из главных задач стало повышение активности населения на выборах. СЕПГ извлекла уроки из выборов мая 1949 г. и рассчитывала получить в этот раз не менее 80 % голосов «за». В 1950 г. прошли не только выборы в Народную палату, но и в частности в ландтаги (парламенты земель). Из около 500000 кандидатов, баллотировавшихся на выборах всех уровней, 102000 выставила СЕПГ [8, s. 602].

Что же представлял собой данный план? *Во-первых*, проведение на первом этапе сдержанных по характеру социальных преобразований. 28 февраля 1950 г. Чуйков рекомендовал Пику и Гротеволью «в большей степени использовать частный сектор, исходя из того предположения, что немецкие товарищи не собираются, видимо, при составлении пятилетнего плана ставить задачу полной его ликвидации или резкого ограничения». На что Гротеволь резонно заметил: «на частный сектор падает около 50 % всех производственных мощностей и что с ним нужно обращаться деликатно, ибо мелкие и средние предприниматели-частники – точка опоры в деле развертывания движения Национального фронта. В Западной Германии должно сложиться мнение, что мелкие и средние

частные предприятия имеют здесь право на жизнь» [4, л. 7]. На встрече со Сталиным 4 мая 1950 г. Ульбрихт сообщил, что в течение пятилетки рассчитывает на снижение доли крупной частной промышленности до 23,3 % [8, s. 587]. Сокращение мелкого и среднего частного производства, как и было согласовано с Чуйковым, в пятилетний план не включалось. Сталин не возражал против данной линии. В государственной и в частной промышленности в течение первой пятилетки производство должно увеличиться на 103,2 и 56,3 % соответственно.

Во-вторых, активизировать деятельность Национального фронта, отказаться от формализма и излишней бюрократизации. Считалось, что инициатива снизу повысит его привлекательность и значимость в глазах восточных немцев. Не случайно акцент делался на «обобщ[ение] и широк[ую] популяриз[ацию] опыт[а] лучших комитетов... через печать и радио...», развертывание «агитационно-массовой работы», а критике подвергался центральный аппарат, который состоит из 128 человек, но «не знает действительного положения на местах... не осуществляет оперативного руководства» [6, л. 15 – 17].

В-третьих, укрепить союз с буржуазными партиями – христианскими демократами (ХДС) и либералами (ЛДП), выдвинуть совместную «предвыборную платформу» и провести совместную подготовку к выборам, «обходить острые углы». Исходная ситуация была достаточно сложной, так как запрещать буржуазные партии никто не собирался, но рассчитывать на их безропотное согласие не приходилось. ХДС и ЛДП вошли в правительство ГДР лишь при условии проведения через год выборов по партийным спискам. Ставка была сделана на личные контакты. Не случайно Х. Кастнер (ЛДП) захотел проголосовать за единый список в середине февраля. 17 марта 1950 г. В. Пик проинформировал советское руководство о согласии О. Нушке (ХДС), который, по его словам, «считает, однако, что соглашение партий блока о выступлении на выборах по единому списку должно быть опубликовано позже, по особому решению... если в Западной Германии дело дойдет до вступления в Европейский Совет... с той мотивировкой, что подобные действия вызывают необходимость совместного выступления всех партий ГДР» [5, л. 43]. Несмотря на принципиальное согласие, поиск компромисса продолжался. 6 апреля заместителю Политсоветника СКК И. И. Ильичеву пришлось останавливать В. Пика, который выступил за расширение состава Народной палаты «с 330 до 500» и Палаты земель «с 41 до 60», указав ему на антиконституционный характер подобных действий. «При этом СЕПГ, – размышлял Пик, обосновывая свое предложение, – получила бы вместо имеющихся теперь 90 мест 110 (22 %), ЛДП и ХДС – вместо 45 по 60 (12 % каждая)». Окончательное распределение мандатов было односторонне 7 июля 1950 г.: СЕПГ располагала по нему 25 % мест, ХДС и ЛДП – по 15 % каждая. Личные контакты предусматривали готовность пойти навстречу просьбам, которые прозвучали от лидеров ХДС и ЛДП. Так, супруга Кастнера обратилась к ми-

нистру юстиции ГДР с просьбой, «чтобы он (Фехнер) предложил кандидатуру Кастнера для присуждения национальной премии за его... сороколетние заслуги в области юстиции». «Следовательно, – подвел итог Ульбрихт, – речь идет о 100 тыс. марок. Сто тысяч марок Кастнеру можно было бы дать, но только не в форме национальной премии» [3, л. 103]. Впрочем, 20 июля Руководящий комитет ЛДП решил освободить Кастнера от должности председателя партии и исключить из ЛДП с обоснованием – не по политическим, а по личным причинам [12, s. 74 – 75]. По всей видимости, информация о просьбах Кастнера стала известна в кругах либералов. В 1956 г. Кастнер убежал из ГДР.

В-четвертых, укрепить авторитет и влияние СЕПГ. На это были направлены встречи руководства СКК с руководством ГДР. Чуйков, желая видеть большую дисциплину в правительстве ГДР, с солдатской прямолинейностью «посоветовал Гротеволу крепче взять в руки буржуазных министров, да к тому же и некоторых министров-членов СЕПГ (Зельман, Райнгрубер). Когда они почувствуют, – утверждал он, – над собой крепкую руку, они проникнутся большим уважением к республике» [5, л. 49]. Кроме того, по инициативе СЕПГ, сообщал 29 марта 1950 г. Пик Чуйкову, «была принята декларация о подготовке к октябрьским выборам... было подписано дополнительное соглашение о выступлении на предстоящих выборах единым списком. Срок и форма опубликования второго соглашения будут определены дополнительным решением». К укреплению авторитета СЕПГ относилось повышение материального благополучия граждан страны. С учетом Берлина – задача чрезвычайно сложная. К тому же СССР не мог полностью отказаться от репараций. В 1950 г. от 25 – 33 % ВВП ГДР уходило на репарационные выплаты. Что касается Западного Берлина, то ситуацию усугублял высокий обменный курс западной марки (1:6,0), открытость границ, которыми активно пользовались для спекулятивных операций жители Западного Берлина. Следует отметить, что 70 % так называемых культурно-бытовых потребностей каждая западноберлинская семья в 1950 г. удовлетворяла в советском секторе. И при этом семья из трех человек, проживающая в Восточном Берлине и условно состоящая из одного работающего и двух иждивенцев, имела в зависимости от социального статуса (низкооплачиваемые рабочие – высокооплачиваемые служащие) ежемесячный остаток в семейном бюджете от 3 до 276 марок. В этой связи растиражированное СМИ описание У. Клуссмана характеризуется однобокостью и упрощает реальность того времени: «Жители ГДР, – заключает он, – едят наполовину меньше мяса и жиров, чем немцы в середине 1930-х годов. По вечерам им приходится есть свой жидкий суп в потемках, так как постоянно отключается электричество» [9, s. 31]. 26 апреля Гротеволь информировал СКК «о плане экономических мероприятий к выборам». Данный план предусматривал «[с]нижение коммерческих цен... [з]авоз 100000 пар кожаной рабочей обуви из Венгрии... [о]тмена с 1 июня карточек на летнюю обувь...», безу-

пречное снабжение текстильными товарами [2, л. 129]. Чуйков советовал ввести для наименее защищенных слоев населения дополнительные ежемесячные выплаты в размере 7 – 8 марок, что потребовало бы 120 млн марок в бюджете ГДР. Было также решено «не ранее 1 ноября» отменить карточки, сохранив карточки на жиры, мясо и сахар. Что касается снижения цен, то их хотели провести в несколько этапов, одним из которых должно было стать начало работы Третьего съезда СЕПГ, где предстояло принять пятилетний план развития экономики. Нарочитая демонстрация экономических успехов может показаться чем-то особенным, свойственным исключительно социалистическим системам. Однако подобная борьба за разум и души немцев в то время не была чем-то экстраординарным. Следует напомнить, что социальные реформы в ФРГ проводились под выборы, а пропагандистская работа с общественностью строилась с привлечением кадров бывших национал-социалистов и оплачивалась из федерального бюджета. Укреплению авторитета СЕПГ также способствовало согласие СССР сократить наполовину репарационные выплаты до 3,170 млрд долларов, о чем Сталин заявил 4 мая 1950 г. на встрече с руководством ГДР [8, s. 591 – 592]. Тогда же Сталин пообещал дополнительно поставить в ГДР масло и мясо, а также порекомендовал повысить заработные платы на 10 %. Правительство ГДР одобрило повышение заработной платы на 8 %.

В-пятых, не допускать провокаций. В современной историографии ФРГ подчас обосновывается миф маниакального страха, свойственного руководству ГДР, перед диверсиями и саботажем. Отсюда делается вывод об «осажденной крепости», неуверенности в собственных силах, опасении собственного общества и т. п. Ситуация с Берлином в 1950 г. (см. выше) призвана доказать обратное. Впрочем, как и наличие реально существовавшей опасности, например «Боевой группы против бесчеловечности», финансируемой до 1959 г. на американские деньги и располагавшей ударными отрядами по 30 человек. «Союз немецкой молодежи», другая антигдровская организация, создала из молодых уголовников банду с громким названием «*Bluthunde*» (легавые), которая намеривалась вывести Пика в Западный Берлин. Советское руководство и руководство ГДР, анализируя тогдашнюю ситуацию, исходили и из готовящейся финансовой диверсии, напрямую с выборами не связанной. По словам Чуйкова, «по некоторым данным англо-американская разведка и западно-германские власти... скупают сейчас по дешевке восточную марку с тем, чтобы после выборов и отмены карточной системы попытаться опустошить торговую сеть восточного сектора Берлина... в Западном Берлине скопилось сейчас, видимо, около 400 млн восточных марок» [5, л. 44]. Возможно, в некоторых случаях имела место излишняя перестраховка, хотя и здесь драматизации и нагнетания ситуации не наблюдались. Например, инициатива о проведении в Берлине выборов в единый магистрат расценивалась Гротеволем как стремление «повлиять на ход подготовки к октябрьским выборам, понимая, что мы выступим на этих выборах с едины-

ми списками и что возможности их влияния на зону все более суживаются» [1, л. 85]. Одновременно тот же Гротеволь не исключал выборов в Берлине: «Что касается Берлина, то здесь может быть и следовало согласиться с проведением выборов, но только при условии восстановления единой валюты, единого транспортного хозяйства, короче при отмене всех проведенных в Берлине сепаратных мероприятий» [1, л. 86], то есть в более позднее время. Аналогичным образом (через недоверие и желание оказать влияние) воспринималась критика со стороны Протестантской церкви, выступившей против привлечения священнослужителей к Национальному фронту, распространения диамата в школьной системе. Гротеволь в этой связи заявил: «американцам не удалось сомкнуть церковь и буржуазные партии в единый сплошной фронт. Фронт отказался разорванным» [1, л. 93].

9 августа 1950 г. специально для проведения выборов был принят соответствующий закон. Об успехах плана по организации выборов свидетельствовало то, что 15 октября 1950 г. к 13.00 на избирательные участки в ГДР пришли 71,5 % зарегистрированных избирателей. За час-два до открытия участков перед некоторыми из них выстраивались очереди. Большая часть граждан голосовала не заходя в кабины. В среднем только от 3 до 4 % пришедших на выборы воспользовались правом голосования в кабинетах. Интересно, что многие служители культа выступили с проповедью и призвали прихожан проголосовать. Меньшую активность проявили избиратели в районах, граничащих с западными землями. Ульбрих обвинил в «неудачах» там ХДС и ЛДП, так как в тех местностях, где обе партии традиционно набирали большинство голосов, число принявших участие в голосовании оказалось крайне низким. В сообщениях, направленных в МИД СССР, подчеркивалось, что «разбрасываются листовки, появляются различного рода антисоветские и антисеповские плакаты и т. п.», но «серьезных и крупных выступлений» против выборов не проходило. Согласно официальным результатам выборов в них приняли участие 98,44 %, голоса «за» отдали 99,6 % [11, s. 3 – 4].

На выборах в ФРГ в 1949 г. верх взяли буржуазные (консервативные и центристские партии), набравшие около 52 % голосов [10, s. 11]. В ГДР с учетом возможного объединения предстояло усилить левые (социалистические) тенденции, что делало неизбежным выступление блоком и размывание традиционной программтики ХДС и ЛДП. Дополнительным фактором, вызывавшем беспокойство руководства СЕПГ, являлась активно действующая в Западном Берлине и по-боевому настроенная социал-демократия. Оспаривать законность октябрьского голосования 1950 г. никто не решился. Это и не имело смысла. Выборы были проведены в рамках действующего законодательства. Единственный упрек состоял в том, что они не были «свободными», потому что отсутствовала альтернатива.

Однако в этом контексте актуальным вновь становится вопрос о значении и характере выборов в условиях социальных экспериментов, о роли выборов в

Германии при сохранении полномочий и контроля оккупационных держав, о влиянии, которое оказывал факт наличия обеих германских государств на безопасность держав-победителей и сферы безопасности. В анализе данных и целого ряда иных проблем от историка и его объективности зависит многое. Таким образом, та история ГДР, которая сегодня пишется на Западе, как и история ГДР, написанная когда-то исто-

риками социалистического лагеря, в большинстве своем лишь первый шаг к пониманию сути социального эксперимента в Восточной Германии и создания всестороннего образа той действительности. Возможно, успех в продвижении на этом пути будет зависеть от серьезного изучения малых проблем.

Литература

1. Беседа Председателя Советской Контрольной Комиссии в Германии генерала армии Чуйкова В. И. с председателями СЕПГ Отто Гротеволем и Вальтером Ульбрихтом, 21 апреля 1950 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 137. Д. 309. Л. 84 – 98.
2. Беседа Председателя Советской Контрольной Комиссии в Германии генерала армии Чуйкова В. И. с председателями СЕПГ Отто Гротеволем и Вальтером Ульбрихтом, 26 апреля 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 309. Л. 127 – 135.
3. Беседа Председателя Советской Контрольной Комиссии в Германии генерала армии Чуйкова В. И. с председателями СЕПГ О. Гротеволем и В. Ульбрихтом, 17 мая 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 309. Л. 102 – 118.
4. Запись беседы Председателя СКК в Германии генерала армии Чуйкова В. И. с председателями СЕПГ тт. Пик и Гротеволь, состоявшаяся 28 февраля 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 309. Л. 2 – 7.
5. Запись беседы Председателя СКК в Германии генерала армии Чуйкова В. И. с председателями СЕПГ В. Пик и Отто Гротеволем, 17 марта 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 309. Л. 43 – 50.
6. Некоторые замечания по вопросам движения Национального фронта и положения в буржуазных партиях // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 309. Л. 12 – 27.
7. Adenauer K. Teegespräche, 1950 – 1954, bearb. von H. J. Kuesters. Berlin: Siegler, 1984. 816 s.
8. Bonwetsch B. Stalin und die Vorbereitung des 3. Parteitags der SED, Ein Treffen mit der SED-Führung am 4. Mai 1950 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2003. № 4. S. 575 – 607.
9. Klusmann U. Die Republik mit dem Hammer // Der Spiegel Geschichte. 2009. № 2. S. 28 – 31.
10. Schachtner R. Die deutschen Nachkriegswahlen, München: Isar Verlag, 1956. 100 s.
11. Union im Dienst, 1950, 21. Oktober. № 82. S. 1 – 6.
12. Wunnicke C. Die Blockparteien der DDR, Kontinuitäten und Transformation 1945 – 1990, Schriftenreihe des Berliner Landesbeauftragten für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen DDR, Band 34. Berlin, 2014. 157 s.

Информация об авторе:

Синдеев Алексей Александрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН, Москва, a_sin74@mail.ru.

Aleksey A. Sindeev – Doctor of History, Chief Research Associate at the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.